

Судьба писать стихи

Будущая поэтесса родилась семье военного связиста в далеком городе Бресте, на западной границе страны, где находится знаменитая Брестская крепость. В этом городе и по сей день живет ее родной дядя, который, выйдя на пенсию после военной службы, устроился работать в музей крепости садовником, выращивает розы в память о героях, принявших удар фашистских захватчиков. После Бреста отца Людмила перевели в Прикарпатье, на границе с Румынией, в город Вижницы. Там прошло детство. Удивительный край, очень красивый, смешение разных этнических групп и культур. Людмила помнит, как из Германии возвращались танки спустя несколько лет после войны. Они шли по улице днем и ночью.

Поэтесса вспоминает, что родители страстно любили читать, особенно мама.

- Сколько себя помню, везде у нас были книги. Огромные библиотеки. Когда надо было переезжать в другой город, мама связывала их стопочкой и на улице раздавала ребятам. Помню, вечерами мы садились у высокой изразцовой печи и читали, читали. В третьем классе я прочитала «Два капитана» Каверина — это моя любимая книга. И уже в Ангарске писала школьное сочинение по ней. Вот что значит отсутствие телевидения! Мы действительно читали! И мама моя тоже до самого последнего дня читала. Ей было уже за 80 лет, когда она купила «Московскую сагу» Василия АКСЕНОВА.

Из Прикарпатья семья переехала в Ангарск. Отец принял такое решение для благополучия семьи: на Западной Украине в те годы было опасно. Ехали наугад. Был страх неизведанного. Но когда увидели — страх сменился восторгом. Ангарск, которому тогда было всего лишь пять лет, произвел на Людмилу грандиозное впечатление. Детская память цепкая, впитывает мельчайшие детали. Этому событию посвящены такие строчки:

Ангарску было только пять.
Стоял погожий день осенний,
Благословенный город мой
Затмил мгновенно все на свете!

- Уезжая из Прикарпатья, мы думали, что обязательно вернемся на Украину, но, сколько ни уезжали — всегда возвращались в Ангарск. Судьба крутит, выворачивает и снова возвращает...

Людмила Васильевна вспоминает свою юность, которая совпала с хрущевской оттепелью. Тут стоит напомнить о поколении шестидесятников, об их особенном мироощущении, тяге к романтике дальних странствий.

Я была туристом до мозга костей, — вспоминает Людмила Васильевна, — вся моя молодость прошла в путешествиях по стране. Меня совершенно не тянуло ходить по магазинам, что-то покупать, доставать, тянуло все увидеть своими глазами. Я объездила всю страну с Запада до Дальнего Востока: Юрмала, Рига, Ленинград, Ставрополь, Минск, Волгоград. Постоянные турпоходы, лыжи, велосипед. Мы так жили, для нас это было естественно, да и сейчас для меня собраться и проехать на велосипеде 20 километров — абсолютно в порядке вещей.

Итак, шестидесятые годы были временем больших надежд, бурного расцвета всех искусств, и в первую очередь, конечно, поэзии.

Стихи Людмила начала писать для стенгазеты. Это была, как принято говорить, гражданская, или идейная, лирика. Стихи были о городах-героях, о войне, о подвиге.

- Я была настоящей комсомолкой, членом горкома. Мы занимались серьезными делами: субботники, озеленение города. Мы закладывали парк Нефтехимиков.

Когда стихов накопилась целая папка, Людмила решила их показать одной известной ангарской поэтессе. Та посмотрела и пришла в ужас: «Сожги это и никому не показывай. Это не поэзия».

Наверное, любая другая на месте Людмилы могла сломаться и завязать со стихами навсегда. Но она вынесла из этого разговора большой урок, поняв, что не все, что в рифму, можно назвать стихами.

Стихи она по совету поэтессы действительно сожгла, но поэзию не забросила. Появилось осмысление себя в новом качестве. Людмила поняла, что стала взрослой. Вместе с этим открытием пришла совсем иная лирика, иные темы.

- Это очень сложно объяснить, - рассказывает поэтесса. — Помню, еще в школе мои 14-летние ровесницы сразу шпарили стихи «про любовь», как взрослые искушенные женщины. Но мне казалось, что в таком возрасте стихи пишут в основном книжные девочки, и идут они не от сердца, не от пережитого опыта, а от начитанности. А поэзия — это вообще-то судьба. Она в том, что переживешь что-то, прошел через какие-то страдания. Говорят: счастливы все одинаково, страдают по-разному. Восторженно-визгливые стихи могут появиться только к какой-то дате. Настоящая поэзия — это тот же дневник.

Дневник, который находит отклик в душе читателей. А это самое важное. Людмила Васильевна рассказала: одна ее знакомая призналась, что поэтический сборник СОБОЛЕВСКОЙ у нее лежит на холодильнике, и она постоянно к нему обращается.

- Мне это не обидно — наоборот, радует. Было бы обидно, если бы задвинули на полку и не читали. Я и сама, что бы со мной ни случилось, тону в стихах. Беру книжку, забираюсь куда-нибудь и читаю.

А как замечательно Людмила Васильевна читает мне свои стихи! Очень естественно, без всякого надрыва и наигранных эмоций. Читает, будто делится сокровенным. И стихи у нее тоже доверительно-исповедальные. В них каждая женщина находит близкую и созвучную ее настроению тему.

- Если ты пишешь искренне, тогда это интересно. Когда я это поняла, вдруг, словно тумблер в голове включился, и я стала абстрагироваться от своих стихов. Я смогла посмотреть на них со стороны и уже спокойно работать, оттачивать, шлифовать, править. Кажется, они такие простые, но за этой простотой идет огромная работа.

Первую подборку стихов Людмила СОБОЛЕВСКАЯ подготовила в 1984 году. Еще при советской власти. Показала Сергею ИОФФЕ, он сказал: «Можно печатать». Но тогда все рушилось, и не было возможности опубликовать. А для поэта, как известно, это беда, если стихи не печатаются. Если их не читают, — нет стимула писать дальше. Первая подборка, «Запах клевера», вышла только в 1995-м.

- Это был такой мощный толчок, — вспоминает поэтесса, — а потом мои стихи стали печатать в журналах и сборниках. У поэта в этом огромная потребность.

Мы говорим о последней книге Людмилы СОБОЛЕВСКОЙ «Предчувствие на кончике пера», вышедшей в 2009 году. Честно признаюсь, на меня эта книга произвела глубочайшее впечатление. Читаешь и словно погружаешься в мир собственных переживаний, сомнений, душевной боли.

И мне понятно, откуда эта боль. В 2001 году Людмила Васильевна пережила большую трагедию. Пропала без вести ее юная дочь Дина. Все эти годы Людмила Васильевна ее ищет; она уверена, что дочь жива, это подсказывает ее материнское сердце.

- Несколько лет после трагедии я вообще не могла писать. А потом стихи сами пришли. Можно сказать, что поэзия меня и спасла, вытянула из глубочайшей депрессии. Но рана кровоточит до сих пор. Это постоянная ноющая боль.

- Боль и страдания это внутри, не напоказ. Но мне не хочется заканчивать рассказ о поэтессе на минорной ноте. Людмила Васильевна совсем не минорный человек. Она продолжает работать: пишет, выступает, встречается с читателями. Кроме того, она ответственный секретарь областной писательской организации.

Сама о себе

После школы я поступила в педагогический институт на литературный факультет, но по семейным обстоятельствам пришлось уйти после первого курса. Устроилась на нефтехимический комбинат лаборантом, год отучилась в библиотечном техникуме. Через несколько лет поступила заново в педагогический, на факультет педагогики и психологии. После защиты диплома работала педагогом в детском учреждении. Потом ушла в многотиражную газету «Электротехник». Кстати, наша газета занимала второе место среди многотиражек после ленинградской «Электросилы». Через несколько лет перешла на радио АМЗК и проработала там 10 лет. Журналистскую работу обожала! Надо было встречаться с людьми, писать на любую тему. Это отличная школа. Говорят: газета портит поэта, а мне, наоборот, помогла. Я вообще многое умею делать. Работала воспитателем, вожатой, библиотекарем, журналистом. Не понимаю, что за счастье, когда говорят: «Пятьдесят лет на одном месте». Человеку обязательно нужно менять обстановку, узнавать новое.

Е. Старшинова

Мой Ангарск. – 2013. – 17 апр. – С. 9.